

КУЗНЕЦОВ Владимир Александрович

Е. Н. Синская, младшая современница и коллега Владимира Александровича Кузнецова, на склоне лет говорила о нем как о добрейшем, скромнейшем, необыкновенно деликатном, склонном к мелкой кропотливой работе, эрудированном человеке. Он всем переводил с латинского языка монографии, писал диагнозы. Когда нужно было дать название какой-либо форме или виду, всегда обращались к нему. В его кабинете обычно был большой беспорядок. Поэтому он не любил, чтобы к нему приходили, и охотно шел по зову сам к сотрудникам. Когда его встречали и спрашивали, куда он идет, Владимир Александрович говорил: «Да вот иду крестить новый вид». Только один Фляксбергер редко пользовался его услугами и очень этим гордился¹.

Часто просил его советов и сам Н. И. Вавилов, хотя нередко ворчал на свойственную ему медлительность в работе, походке, речи. Высоко ценили Кузнецова заведовавшие в разное время гербарием П. М. Жуковский и Е. В. Вульф. Своим неременным долгом Владимир Александрович считал оказывать всяческую помощь молодым сотрудникам: подсказывал, какую взять литературу, тщательно, что свойственно было ему в любом деле, которое он выполнял, просматривал диссертации, в силу этого и за доброе отношение «молодежь его любила» (Е. Н. Синская). Откуда взялись незлобивость, несуетное стремление как должное сделать доброе дело ближнему, скрупулезно, может еще введливее, чем собственную, прочесть чужую рукопись, исправить в ней явные и скрытые ошибки, натолкнуть автора на верное решение задачи?

Думается, сформировалось его интеллектуальное богатство непросто.

У Владимира Кузнецова оба деда из духовного сословия. Отец — Александр Данилович — учительствовал в далеком зауральском шадринском селе Верхнетеченское, когда 4 (16) октября 1877 г. жена его, Дина Ивановна, родила Владимира — второго сына и третье дитя семьи Кузнецовых. Отец скончался в 1900 г., брат умер шесть лет спустя (1906 г.). Мать оставшуюся жизнь (умерла в 1918 г.) провела со старшей дочерью, учительницей народной школы.

Несомненно, как на любое дитя, на каждого отрока, юношу, в процессе формирования индивидуальности влияли семья, ее быт с несколько патриархально-клерикальным уклоном, от-

нюдь не ординарные реалии, окружающие стены отчего дома, самобытная природа, разноплеменная этническая среда, суровая история края, впоследствии — все расширяющийся круг знаний. Владимир Кузнецов не был ни революционером, ни схимником, но печать всех этих влияний плотно легла на его духовный облик. Семья, по его словам, не имела никакой недвижимости, у нее не было даже собственного дома, поэтому, видимо, жила на монастырском подворье.

Единственная в личном деле, очень краткая автобиография, написанная Кузнецовым в момент всеобщего страха перед зловещим НКВД (октябрь 1936 г.), безобидна и туманна в силу осторожности рассказа о прошлом, завуалированности фактов. К примеру, он писал: «Отец преподавал в уездном училище», выпуская слово «духовном», не показывая места его нахождения, «семья не имела никакой недвижимости», «после окончания начальной школы» и т. д. Поэтому вынужденно сделанные им лакуны приходится заполнять, используя косвенные свидетельства.

После окончания пятилетнего училищного курса в родном селе выпускник имел выбор — или продолжить образование, или обучать крестьянских детей азам грамоты в народной школе. Владимир Кузнецов выбрал первое. Он поступает в Пермскую духовную семинарию.

В каком году поступил в семинарию Владимир Кузнецов, в каком окончил это заведение, можно установить лишь предположительно. Если он окончил училище и сразу же отправился в семинарию, то окончил ее, когда ему шел двадцать второй год (1898 г.). Но странное дело. Из автобиографии выпало более четырех лет, потому что лишь в 1903 г. он поступил в университет. Это можно объяснить тем, что Владимир Кузнецов отдал четыре года спасению семьи. К моменту выхода его из семинарии тяжело заболел отец, не блистал здоровьем брат, вероятно, еще не имела места в народной школе сестра. А коли так, то одно из двух: либо бывший семинарист заменил больного отца, преподавая в духовном училище, либо каким-то образом вместе с причтом служил молебны в монастырском храме. Благо внешность, ум, образованность позволяли: достаточно высок, крепок, ясноглаз, со светло-русскими, слегка волнистыми волосами, хотя проглядывало в облике нечто от азиатской сторушники; умен, сообразителен, начитан, исполнительен.

Судьба поставила его на распутье: то ли идти в академию учиться богословию, впоследствии принять священнический

¹ Синская Е. Н. Воспоминания о Н. И. Вавилове. Киев: Наукова думка, 1991. С. 31–32.

или монашеский сан, через который мог открыться путь к блестящей церковной карьере, то ли поступить в университет. Победило второе — желание заниматься наукой. Но это случилось потом. А пока в стенах духовной семинарии продолжали формироваться способности, интеллект исследователя, шлифоваться характер Владимира Кузнецова. Здесь он приобщился к тайнам древнеславянской рукописной и старопечатной, также современной русской и западноевропейской литературы, полюбил античных авторов, здесь он осваивал философские учения предшествующих эпох. Пермский период жизни существенно расширил возможности самореализации личности бывшего сельского паренка Владимира Кузнецова. После семинарии он окончательно решил поступать в университет и готовился к этому. Сдать вступительные экзамены, видимо, не составляло особого труда. Возникла иная сложность. Семинаристов принимали только два университета: нуждавшийся в слушателях молодой Томский университет (основан в 1888 г.) и один из старейших (учрежден в 1802 г.), ставший совсем недавно (1898 г.) Юрьевским очень уважаемым Дерптский (ныне Тартуский) университет, некий анклав, создающий слой русской интеллигенции в краю остзейских баронов, в котором еще совсем недавно профессора читала многие лекции исключительно на немецком языке. Он выбирает Юрьев. В 1903 г. В. А. Кузнецов едет сдавать экзамены, зачисляется студентом Юрьевского университета на физико-математический факультет по естественно-историческому отделению и сразу же попадает в пренеприятнейшую историю. Приходится только удивляться, каким образом тихий провинциал оказался замешанным в «студенческой забастовке» (В. Кузнецов). Очевидно, казус случился в силу корпоративного чувства студенческой солидарности, царившего в высшей школе.

За «преступлением» последовало быстрое и суровое наказание: Владимира Кузнецова на три года исключили из университета. Долгих три года он добывал хлеб насущный самостоятельно, помощи ждать не от кого, трудом репетитора, переписчика, занятиями, отнюдь не регулярными и малоодоходными. Когда истек срок наказания (1906 г.), В. А. Кузнецова восстанавливают в звании студента. Началось серьезнейшее, глубокое освоение естественных наук, затем специализация по кафедре ботаники. Длительный период (1895–1915 гг.) ее возглавлял крупнейший ботаник-систематик, ботанико-географ Николай Иванович Кузнецов. Прославленный исследователь Кавказа Н. И. Кузнецов продолжал традиции, заложенные еще К. Ф. Ледебуром, который четверть века (1811–1836 гг.) вел кафедру в Дерпте, основал Ботанический сад университета. С приходом на кафедру Н. И. Кузнецова ботанико-географическое обследование отечества продолжалось так же интенсивно, как и ранее, непрерывно пополнялся ботанический сад².

² *Липшиц С. Ю.* Систематика, флористика и география растений // *Очерки по истории русской ботаники* / Л. П. Бреславец, Б. Л. Исаченко, Н. А. Комарницкий, С. Ю. Липшиц, Н. А. Максимов. М., 1947. С. 51.

Школу Н. И. Кузнецова прошли многие крупные систематики, географы флоры, геоботаники: Н. А. Буш, А. В. Фомин, Б. Б. Гриневецкий, П. И. Курский, Г. Г. Эттинген. Были среди его учеников и те, кто работал впоследствии в Бюро по прикладной ботанике у Р. Э. Регеля и в Институте растениеводства у Н. И. Вавилова: из Юрьева пришли К. А. Фляксбергер, А. И. Мальцев, П. И. Мищенко, Ю. Н. Воронов.

Из добротной ботанической школы вышел также В. А. Кузнецов. В годы специализации на кафедре он изучал злаки, лугово-болотную растительность. Окончил университет (май 1910 г.) со средней оценкой 4,72 балла. Оценка говорила о стабильном, детальном знании предмета ботаником-профессионалом, чья специальность — общая ботаника, луговое хозяйство, флористика, систематика, ботаническая география. Знания позволили претендовать на должность ассистента в высшей школе или каком-либо научном учреждении. В. А. Кузнецов отправил документы и прошение о принятии ассистентом профессору К. С. Мережковскому в Казанский университет. Ответ задержался надолго.

Прежде чем он устроился в середине учебного года (январь 1911 г.) преподавать естествознание в Рижское реальное училище, минули лето, осень, начало зимы. Вновь более полугода неопределенность, поиски места, вновь, как, впрочем, и во все время жизни в Юрьеве, пришлось жестко ограничиваться в еде, одежде, книгах, квартире, существуя, как прежде, на случайные скудные заработки.

Стоило найти работу, как обнаружилось место практиканта-луговода, специалиста по лугово-болотной растительности в Бюро по прикладной ботанике. С участием и при посредничестве Н. И. Кузнецова началась переписка между его учеником и петербургским другом профессора Р. Э. Регелем.

Бюро нужен был практикант на годичный срок — с апреля 1911 по апрель 1912 г. (с жалованьем 100 рублей в месяц). Р. Э. Регель отправляет 28 (13) февраля 1911 г. в Ригу письмо — предложение В. А. Кузнецову места практиканта Бюро с темой: «Определение видового состава сена». Следом в Ригу приходит письмо Н. И. Кузнецова, отправленное 11 (24) марта 1911 г. из Юрьева, в котором совет молодому ученому принять приглашение заняться видовым составом луговых трав, что даст возможность лучше изучить лугово-болотную растительность, в частности, виды осоки. Девятнадцатого марта В. А. Кузнецов пишет в Петербург о своем согласии принять предложение Р. Э. Регеля.

Юрьевский профессор знал, кого рекомендовал. В письме 23 марта 1911 г. к внешне холодноватому, скупому на эмоции Р. Э. Регелю он очень лестно характеризовал своего протеже, так как был убежден, что человек этот, знающий, добросовестный, пригоден Бюро: «Я отдаю и отдавал тебе, — пишет он Роберту Эдуардовичу, — лучших своих учеников, желая добра им и тебе, и надеюсь, что ты это когда-нибудь оценишь»³. После первого полевого сезона Р. Э. Регель по достоинству оценил нового практиканта.

³ *Кузнецов Н. И.* Письмо Р. Э. Регелю от 23 марта (5 апреля) 1911 г. // *Архив ВИР. Оп. 2-1. Д. 617. Л. 10 и об.*

К моменту приезда В. А. Кузнецова в столицу в Петербургском бюро уже работали питомцы Юрьевской университетской школы: К. А. Фляксбергер (с 1907 г.), А. И. Мальцев (с 1908 г.). Позже присоединился П. И. Мищенко (с 1912 по 1914 г. помощник заведующего Бюро, после революции профессор в Краснодаре и Алма-Ате). Раньше он был приват-доцентом в Юрьеве. Вместе с ним В. А. Кузнецов, до этого совершив ботанико-геологическую экскурсию в Ревель и Нарву (1907 г.), осуществил первую и последнюю поездку на Северный Кавказ и в Закавказье (1908 г.).

Новому практиканту предстояло трудиться в лифляндском «Замке Загниц», имени графа Ф. Г. Берга, в 445 верстах от Петербурга. Удалившись от дел, Федор Густавович любительски экспериментировал на земле, предоставив Бюро бесплатно распоряжаться пятью луговыми и лугово-болотными участками, самый дальний из которых лежал в восьми верстах от усадьбы. Вместе с практикантом находился в имении наблюдатель П. В. Кисляков.

Работа пошла столь успешно, что за один полевой и камеральный сезон В. А. Кузнецов проанализировал ботанический состав трав, изучил вегетативные органы девяти важнейших видов осоки, дал их сравнительное описание в дихотомических таблицах-определителях. «В этом направлении, — писал Р. Э. Регель, — осоки еще не были изучены ни у нас в России, ни на Западе...»⁴

Следующей весной В. А. Кузнецов получил место лаборанта Бюро по прикладной ботанике. Он прошел все ступени служебной иерархии — до ученого специалиста (1923 г.) и заведующего отделом (1920–1930-е гг.), ни разу не покинув учреждения, оставаясь всегда с ним, как бы оно ни называлось, ни разу не возжелал места иного, престижнее и доходнее. Может быть, в этом сыграло свою роль раннее знакомство с будущим и пожизненным научным и административным руководителем. В первый год петербургской жизни он познакомился с Н. И. Вавиловым, проходившим практическую выучку у специалистов Бюро и у миколога-фитопатолога А. А. Ячевского (осень 1911 — зима 1912 г.).

В том же 1912 г. во втором выпуске трудов областного съезда по семеноводству и селекции появилась статья В. А. Кузнецова «О необходимости отличать злаки и осоки по вегетативным органам для целей селекции», в следующем — о новом кормовом растении бекмании, еще через год печатает материалы для определения осок.

Служба складывалась благополучно: каждую весну он отправлялся на опытные участки лифляндского замка, чтобы в сумеречные зимние дни и длинные петербургские ночи обрабатывать собранные материалы. Хватало неторопливых часов ночи и на любимых авторов: «Он читал в подлинниках Теофраста, Цицерона, Вергилия, увлекался Сенекой, прочел много философов древности, средних веков... Не стеснялся читать Библию, Коран, часто возмущался их скверными пе-

реводами...»⁵ Читал, размышлял, писал статьи. Подумывал о женитьбе: как-никак почти тридцать семь, а все холостяк.

В самый разгар войны женился-таки. Венчались в Братской Покровской церкви поздней осенью, почти зимой — 11 ноября 1915 г. Невеста — дочь диакона Клавдия Ивановна Баева, «лета невесты — 19». Через пять лет родилась в семье В. А. Кузнецова дочь Елена.

Немецкое наступление (1915 г.) сделало прибалтийские районы исследований прифронтовыми. Пришлось переносить работу в нечерноземную российскую полосу, на Каменно-Степную станцию, которой заведовал А. И. Мальцев. Здесь-то застала их вместе с К. А. Фляксбергером гражданская война. Красные наступали, отступали, вновь наступали. Белые наступали и отступали. Войска не всегда обтекали станцию, расположенную, с армейской точки зрения, очень удобно, поэтому время от времени постреливали из орудий по ее зданиям, в которых противоборствующие стороны размещали штабы, командные и наблюдательные пункты. В этих условиях В. А. Кузнецов с давними коллегами продолжали работу в воронежских степях, заодно спасая семьи от голодного петроградского мора.

Вскоре (1921 г.) состоялась очередная поездка на Урал — в Пермскую и Екатеринбургскую губернии: собрать культурные злаки, главным образом местную полбу.

На следующий год (1922) вдвоем с помощником отправился В. А. Кузнецов на Мезень да Канинский полуостров обследовать кормовые угодья, изучать состав архангельских полевых культур. Первая в эти суровые края экспедиция специалистов отдела прикладной ботаники и селекции, которым уже заведовал Н. И. Вавилов, оказалась все же не совсем удачной. Поздний выезд, ранняя зима помешали полному успеху. Даже в строгих строчках отчета об экспедиции нет-нет да и пробьется нечто такое, что заставляет думать о лихе, испытанном участниками научной поездки, состоявшейся в тяжкие для страны дни.

Снег выпал в первой половине сентября, закрыл роскошные пастбища и сенокосные угодья по долинам рек. Пароход поднялся выше уездной Мезени по реке на 40 км, дальше не пошел. Во второй половине месяца им удалось собрать по склонам оврагов дикий красный клевер (*Trifolium pratense* L.). В 35 км от этого места обнаружили могучие куртины клевера с развалистым многостебельным кустом. Дошли до крайней границы земледелия мезенцев — до Пертинских изб. Это был самый северный населенный пункт, жители которого снабдили экспедицию семенами ячменя, ржи, клубнями картофеля. Посетили болотную станцию, в губернском центре получили сведения о структуре посевных площадей архангелогородчины.

Экспедиция доставила в Петроград довольно богатый материал: семена пшеницы, ржи, ячменя, овса, льна, конопли, клубни картофеля.

К середине 1920-х гг, помимо того, что он изучил луга

⁴ Регель Р. Э. Письмо во 2-й отд. Департамента земледелия от 19 марта 1912 г. // Архив ВИР. Оп. 2-1. Д. 617. Л. 12.

⁵ Мальцев А. И. Памяти друга // Архив ВИР. Оп. 2-1. Д. 617. Л. 34.

и пастбища северо-западных регионов страны, В. А. Кузнецов обследовал луговую, лугово-болотную и солончаково-степную растительность воронежской Каменной степи, донские лесничества, при- и зауральские солончаково-степные территории, впервые описав некоторые виды и формы кормовых растений Пермского Урала, изучил пастбищные выгоны Усть-Карабульского кумысного хозяйства в родном Шадринском уезде.

Совершив многие экскурсии, обследовав территории, обработав имеющийся и вновь собранный гербарный материал, В. А. Кузнецов опубликовал статью «Ареалы географического распространения важнейших кормовых видов клевера и люцерны» (1926), где обозначил ареалы четырех видов люцерны и двенадцати видов клевера. Стимулировало работу несколько обстоятельств.

Во-первых, все сотрудники Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур, разделявшие взгляды Н. И. Вавилова, использовали в исследованиях предложенный им метод определения центров происхождения культурных растений.

Во-вторых, всеобъемлющий вавиловский метод привлекал В. А. Кузнецова возможностью полно использовать морфолого-систематические и географические знания.

В-третьих, к этому времени шел четвертый год, как В. А. Кузнецов выполнял по совместительству (1923–1927 гг.) преподавательские функции старшего ассистента по специальности экология и география растений на кафедре ботаники Петроградского географического института. На кафедру его пригласил вернувшийся из Крыма (1921 г.) Николай Иванович Кузнецов. Когда Петроградский географический институт слился с университетом, учитель и ученик стали работать на кафедре экологии и географии растений на географическом факультете. Следовательно, и с этой стороны вавиловский метод ложился в строки кузнецовской статьи.

В-четвертых, дополнительные требования метода как нельзя полнее отвечали гуманистическому духу знаний естествознания В. А. Кузнецова.

Один из основных тезисов автора – области географического распространения необходимы «не только для выяснения самой природы растения и для разрешения целого ряда связанных с этим научных вопросов, но и для практических целей, например для установления тех центров или источников, откуда можно черпать материал по отысканию новых ценных форм как непосредственно для возделывания, так и для селекционных работ»⁶. Так чисто ботаническая, казалось бы, направленность идей В. А. Кузнецова преломилась в целенаправленную задачу использования мирового генофонда растений в сельскохозяйственном производстве.

Несколько позже (1 сентября 1928 г.) в одном из писем Н. И. Вавилов сообщал: «По сложившейся общей программе Института прикладной ботаники мы все работаем, главным образом, в смысле изучения состава отдельных видов диффе-

ренциальной систематики; в последнее время, — продолжал он, — к этому прибавляется экологическое изучение отдельных разновидностей, рас, их географического распределения... Из той работы, которая ведется в настоящее время у нас по люцерне, по эспарцету, по клеверу, по тимopheевке, видно, что направление это плодотворное: на основе его, очевидно, придется коренным образом менять селекцию. По-видимому, — заключал он суждение, — обычные подходы селекционные к луговым и кормовым растениям надо коренным образом менять под углом экологии, географического изучения»⁷.

Если учесть, что секцией луговых и кормовых растений института заведовал В. А. Кузнецов, то словами директора охарактеризован круг проблем и тем, над которыми ломал голову старейший член коллектива.

Во второй половине 1920-х гг. почти ежегодно появляются его статьи, посвященные недавно освоенным или вновь вводимым в культуру кормовым растениям (бекмания, донник, житняк, тефф, дагусса, персидский клевер-шабдар, сулла, леспедеза и др.).

С начала 1930-х гг. он по-прежнему занимается экологией, географией и систематикой луговой флоры, но к этому прибавляются многочисленные общеинститутские обязанности: организация обзорно-реферативного дела. Представление рефератов в редакционный комитет «есть тот минимум научной работы, который обязателен для всех секций и отделов, притом реферирование важнейших, крупнейших работ, которые бы действительно отображали ход мировой науки по данной культуре, по данной области»⁸, — обращался 19 апреля 1930 г. Вавилов ко всем сотрудникам института и в качестве инструктора, одного из ведущих, рекомендовал В. А. Кузнецова — лучшего знатока луговых и кормовых растений; В. А. Кузнецов редактирует институтские и сторонние солидные труды, рецензирует и просматривает диссертации и статьи сотрудников, пишет разделы и главы в коллективные монографии. Членом редакционной комиссии он состоял с 1924 г. Однако видимая продуктивность занятий мала — отсюда «ворчанье» директора на медлительность уважаемого им специалиста.

Сами же старые дореволюционной, регелевской формации спецы в свою очередь порою находились в тихой, «кулуарной», оппозиции к директору. Ее вызывали тесная связь Н. И. Вавилова с управделами Совнаркома Н. П. Горбуновым, председателем ученого совета ВИПБиНК, вхождение директора в государственные структуры, активная работа в большой и сельскохозяйственной академиях, бесконечные правительственные, наркомземовские задания, отвлекавшие коллектив от теоретических разработок, осмысления экспериментальных результатов, в силу этого все больший крен в сторону производственной, чисто растениеводческой, агро-

⁷ Вавилов Н. И. Письмо Е. А. Дояренко от 1 сентября 1928 г. // Научное наследство. Т. 5. Николай Иванович Вавилов: из эпистолярного наследия, 1911–1928 гг. М.: Наука, 1980. С. 357.

⁸ Вавилов Н. И. Сотрудникам ВИР. 19 апреля 1930 г. // Научное наследство. Т. 10. Николай Иванович Вавилов: из эпистолярного наследия. 1929–1940 гг. М.: Наука, 1987. С. 74.

⁶ Кузнецов В. А. Ареалы географического распространения важнейших кормовых видов клевера и люцерны // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 1926. Т. 16, вып. 1. С. 87.

номической деятельности — все это, как считали они, мешало нормальному труду ученых.

Не способствовали творческой продуктивности исследователей неоднократные аресты, высылки, ссылки сотрудников института, постоянно усиливающееся давление лысенковщины. Для «стариков» наступили вторые после октября 1917 г. апокалиптические душевные потрясения, второй разгром родного им учреждения. И если первый удар казался стихийным, второй они справедливо считали целенаправленным, планомерным. Так оно и случилось в начале 1940-х. Но оставшиеся тогда и во время второй мировой войны в живых еще увидели и третий, послеавгустовский 1948 г., «разгром Вавилона».

В такое время приходилось В. А. Кузнецову вместе со всеми жить, трудиться, радоваться успехам, огорчаться неудачам, познавать неведомое, передавать знания научной смене.

Квалификационная комиссия ВАСХНИЛ присвоила (3 декабря 1935 г.) В. А. Кузнецову ученую степень кандидата биологических наук без защиты диссертации. Ему недавно исполнилось 58 лет. В. А. Кузнецов никогда не оставался только в рамках специалиста ботаника-систематика, географа флоры: «Он обладал очень широкими знаниями и в других областях. Отлично знал древние языки, был хорошим орнитологом, — писал К. А. Фляксбергер, — был хорошим знатоком музыки и изобразительных искусств и т. д.»⁹. И всем этим спектром знаний он спешил делиться с окружающими его людьми. Он щедро дарил знания коллегам и последователям: среди них была Е. О. Зитта, сама отлично владевшая новыми языками, выпускница женских Стебутовских агрономических курсов, поработавшая до этого (1925 г.) на Украине (начинала она самостоятельную деятельность в Аскания-Нова), из Томского университета пришла (1924 г.) З. Н. Жеребина, после Ленинградского сельскохозяйственного института — А. И. Сметаникова (1930 г.), позже (1934 г.) — М. А. Шебалина, наконец — В. В. Суворов.

В характеристике тех лет, написанной Е. В. Вульфom, говорилось: «В. А. Кузнецов приобрел большой опыт и знания в области культурных и диких растений. Это дает ему возможность оказывать помощь многочисленным сотрудникам ВИР. Вследствие этого участие его в работе института и в частности отдела географии является незаменимым...»¹⁰ Без института жизнь его лишалась смысла: одиночество преодолевал трудом и тягой к людям. Жена тогда еще очень молодого многообещающего исследователя Н. Р. Иванова, впоследствии много лет заведующего отделом зерновых бобовых культур, первого лауреата Вавиловской премии, которого И. И. Вавилов считал «одним из самых перспективных своих учеников» и о котором говаривал: «О, он — большой эрудит»¹¹, К. В. Иванова вспоминала, что они с мужем любили Владимира Александровича Кузнецова: «Человек он был очень культурный,

широко образованный. Умел говорить интересно на все темы. Был эрудированным человеком. Очень интересовался музыкой, живописью... По характеру он был безотказный, чрезвычайно добрый, добропорядочный и скромный человек. Жена с дочерью от него уехали, и он жил очень одиноко»¹². Может оттого он и тянулся к молодежи, дабы передать ей все, что нарабатал, наизнавал. Он заставлял эрудицию трудиться на будущее. Вспоминая одного из старейшин института, А. Я. Камераз говорил: «Владимира Александровича в институте все знали, особенно мы, молодые, часто к нему обращались, чаще всего по неясным вопросам систематики. Он мог запросто остановиться на парадной лестнице института и, выслушав вопрос, здесь же дать исчерпывающий ответ... Писал свои статьи очень хорошо... они всем очень нравились своей глубокой научностью, логичностью, простотой изложения и достоверностью использованного фактического материала, которого в каждой его статье было предостаточно. Чувствовалось, что он по каждому разделу прочитывал огромную литературу и хорошо знал вопрос и, главное, далеко видел вперед...»¹³ Встречи с молодежью заменяли Кузнецову семейный круг общения.

Подобно любимому Сократу, он исследовал характер знаний новой поросли науки, не делая различий между ее представителями; правда, попавшие поневоле или зашедшие по своему хотению в трясину лысенковщины редко обращались к нему — им было достаточно шарлатанских псевдознаний своих «крестных отцов». Чисто педагогическое дело его не прельстило: ему важно было, как Сократу, не быть никогда ничьим учителем, но если кто-то, молодой или старый, хотел его слушать и наблюдать как он делает свое дело, то он никому никогда не препятствовал.

К лысенковщине он выработал вполне отрицательное отношение, видя в ее вожде лжепророка, тип шарлатана, известный еще в древности, тогда же и расшифрованный: он представлял себе «все многообразие свойств его души — вместилища лжи, хитрости, клятвопреступлений, козней, души человека без предрассудков, смелого, готового на опасный шаг, терпеливого в исполнении задуманного, обладающего даром убеждения и умеющего внушить доверие, изобразить добрые чувства и представить все, противоположное своим истинным намерениям»¹⁴. Весьма вероятно, что неявно выраженный антивавилонский настрой стариков, работавших еще в регелевские времена, против горячей увлеченности директора слишком, на их взгляд, прагматическими делами, против тесной его зависимости от властных государственных и партийных структур, настрой, о котором, не раскрывая причин, говорила Е. Н. Синская в строках рукописи «Воспоминаний

⁹ Фляксбергер К. А. Памяти Владимира Александровича Кузнецова // Архив ВИР. Оп. 2-1. Д. 617. Л. 122.

¹⁰ Вульф Е. В. Характеристика В. А. Кузнецова // Архив ВИР. Оп. 2-1. Д. 617. Л. 137.

¹¹ Синская Е. Н. Воспоминания о Н. И. Вавилове. С. 63.

¹² Кириллов Ю. И. Владимир Александрович Кузнецов (1877–1940 гг.). Старейший вировский работник — первый заведующий отделением (секцией) кормовых и луговых растений (1916–1929 гг.). (Рукопись) // Архив ВИР. Оп. 2-1. Д. 617. Л. 50–51.

¹³ Там же. Л. 51–52.

¹⁴ Лукиан Александр, или Лжепророк // Лукиан из Самосаты. Избр. М., 1962. С. 106.

о Н. И. Вавилове», не вошедших в текст изданной книги¹⁵, разделял и В. А. Кузнецов.

Не занимаясь особо рьяно общественными делами в институте, он входил одно время в местный комитет профсоюза. В. А. Кузнецов с молодости состоял членом научных обществ: академического Русского ботанического в Петрограде, Естествоиспытателей Юрьевского университета, Уральского в Екатеринбурге, членом-сотрудником научного хранилища в Шадринске.

«Ряды русских ученых редеют день за днем, — писал Н. И. Вавилов еще в 1922 г., — и жутко становится за судьбу отечественной науки, ибо много званых, но мало избранных»¹⁶. Ссылки, аресты, вынужденные отъезды разметали в Балхаш, Караганду, Нарын, Мардакяны многих людей.

Двух первых своих учителей — Н. И. Кузнецова и Р. Э. Регеля — он особенно почитал из чувства верного ранга, когда ценится неординарность личности, отрицается оголтелый эгалитаризм, доходящий в своих крайних проявлениях до тезиса о людях как простых винтиках тоталитарной государственной машины.

Думается, Е. Н. Синская не до конца разгадала это развитое чувство ранга у Владимира Александровича, который, по ее несколько ироничному выражению, «отличался очень большим уважением к начальству»¹⁷, который по торжественным дням являлся с визитами к начальникам: к бывшему — К. А. Фляксбергеру, к настоящему — Е. В. Вульффу, к директору учреждения — Н. И. Вавилову и который сам рассказывал, что эту черту — уважительность — в нем воспитал Р. Э. Регель.

Когда умер Владимир Александрович Кузнецов (в ночь с 5 на 6 марта 1940 г.), умер один, внезапно, незамеченно, тихо, как бывает часто: ходил, ходил человек, работал, делился мыслями, смеялся, горевал, глядь — все нет и нет его, в чем дело, кинулись на нищенскую квартиру — умер, всем стало горестно, тяжело, жалко до смерти ушедшего в иные миры спокойно, доброго человека. На похоронах, а хоронили на Волковом кладбище, с краю литераторских мостков, все знавшие его плакали, не скрывая слез: Николай Иванович Вавилов «плакал всю дорогу на кладбище и от рыданий не мог вымолвить ни слова, и долго после того говорил: «Вот не оценили и не позаботились вовремя о прекрасном человеке!»¹⁸ Но у могилы Николай Иванович собрался с силами и произнес прощальное слово: «Говорил он долго и хорошо о покойном, — много позже делилась впечатлениями от похорон К. В. Иванова, — вспоминал его работу в институте, отмечал его личные качества: «Как хорошо, что у него столько товарищей хоть в жизни было. Не всем достанутся такие проводы», — продолжал он

с грустью в голосе. Он как бы предчувствовал всем своим существом, что тучи над ним сгустились и что с ним случится то, что он ожидает уже давно»¹⁹. Так оно и случилось.

Последовавшие затем, начиная с августа 1940 г., особо тяжкие события — арест Николая Ивановича Вавилова, его ближайших соратников, изгнание многих и многих из института, война, блокада, гибель десятков вибрировцев от голода, обстрелов, в тюрьмах, в боях на фронтах, послеавгустовский 1948 г. разгром, изнурительная борьба за выживаемость институтского корабля в 1950-е гг. — все помогало забвению Владимира Александровича Кузнецова, и не только его, а всех, погибших в годы тоталитаризма. Как исчезла колонка на его могиле, так постепенно забывалось и самое имя.

Но наступили новые времена. И вспомнили о нем, о всех. Задача теперь в том, чтобы по кладбищенским документам найти и восстановить место последнего покоя В. А. Кузнецова, памятуя о том, что был он человеком верующим, православным не только по обряду крещения, но и по образу жизни, по образованию, по духу мышления. Видится православный под двухскатным шатром дубовый крыж, по черному полю которого скупно разбросаны зелень и цвет луговых трав.

Верится: как очистится в будущем русло родной Владимиру Александровичу Кузнецову речки Течи, не сильно, но все же отравленное в верховьях апрельской аварией 1993 г. в Томске-7, так очистятся от наносов безвестия имени вавиловцев, всех, кто шел рядом по тяжкому пути познания научной истины, ни разу ее не предав.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ В. А. КУЗНЕЦОВА

Бекманья (*Beckmannia eruciformis* Host) / В. А. Кузнецов // Тр. Бюро по прикладной ботанике. СПб., 1913. Т. 6, вып. 9. С. 577–589.

Материалы для определения некоторых видов осок по их вегетативным частям / В. А. Кузнецов // Там же. 1914. Т. 7, вып. 1. С. 1–41.

Краткий отчет о научной поездке в Архангельскую губернию в 1922 году / В. А. Кузнецов // Тр. по прикл. ботанике и селекции. Пг.: ГИОА, 1923. Т. 13, вып. 3. С. 107–116.

Ареалы географического распределения важнейших кормовых видов клевера и люцерны / В. А. Кузнецов // Там же. Л., 1926. Т. 16, вып. 1. С. 55–88.

Донник / В. А. Кузнецов // Изв. ГИОА. 1927. Т. 5, вып. 2/3. С. 178–186.

Материалы для определения важнейших кормовых клеверных построений их листьев / В. А. Кузнецов // Тр. по прикл. ботанике и селекции. 1929. Л.: ВИПБиНК. Т. 20. С. 155–168.

Новые кормовые культуры / В. А. Кузнецов // Достижения и перспективы в области прикладной ботаники, генетики и селекции. Л.: ВИПБиНК, 1929. С. 309–327.

¹⁵ См.: Синская Е. Н. 1) Воспоминания о Н. И. Вавилове. (Рукопись) // Архив ВИР. С. 60–61; 2) Воспоминания о Н. И. Вавилове, С. 33–34.

¹⁶ Вавилов Н. И. «Жизнь коротка, надо спешить». М.: Наука, 1990. С. 468.

¹⁷ Синская Е. Н. Воспоминания о Н. И. Вавилове. С. 32.

¹⁸ Там же. С. 33.

¹⁹ Архив ВИР. Оп. 2-1. Д. 617. Л. 51.

Американский пырей / В. А. Кузнецов // Растениеводство СССР. Л.: ВИР, 1933. Т. 1, ч. 2. С. 500–506.
Житняк / В. А. Кузнецов // Там же. С. 519–526.

ИСТОЧНИКИ

Кузнецов Владимир Александрович // Русские ботаники: биографо-библиографический словарь / сост. С. Ю. Липшиц; отв. ред. В. Н. Сукачев; Моск. о-во испытателей природы, Ботан. ин-т им. акад. В. Л. Комарова. М.: МОИП, 1952. Т. 4. С. 560–561.

Фляксбергер, К. А. Памяти В. А. Кузнецова / К. А. Фляксбергер // Природа. 1940. № 7. С. 117.

**Ю. С. Павлухин,
Ю. И. Кириллов²⁰**

²⁰ Соратники Николая Ивановича Вавилова: исследователи генофонда растений. СПб.: ВИР, 1994. С. 276–289. — Опубликовано впервые.

